

Верона Шумилова

Марьяна

Верона Шумилова

Марьяна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38838193

ISBN 9785449359292

Аннотация

Повесть о Великой Отечественной войне. Это трудные и грозные дни, месяцы и годы оккупации Отечества фашистскими захватчиками, это героическая борьба защитников с сильным и коварным врагом. Голод, холод, пожарища, погромы, потери – всё на страницах повести. Жители села Масловка храбро дрались, уходили в партизанские отряды на борьбу до победы над врагом. Все вели трудную борьбу и победили. Яркие события встречи родных освободителей и горечь от многих потерь. Это война! Верона Шумилова, член СПР.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	34
Глава 5	47
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Марьяна

Верона Шумилова

© Верона Шумилова, 2018

ISBN 978-5-4493-5929-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книгу составил и оформил – Сергей Нагорный (Maestro)

К Читателю!

Повесть «Марьяна» повествует о Великой Отечественной войне... Её страницы – это трудные и грозные дни, месяцы и годы оккупации нашего родного Отечества фашистскими захватчиками, это героическая борьба защитников его с сильным и коварным врагом. Голод, холод, пожарища, погромы, потери – всё на страницах повести.

Жители села Масловка храбро дрались с ненавистными оккупантами, уходили в партизанские отряды, чтобы продолжить эту борьбу до победы над врагом.

Все, от юного Вильки до его мамы Марьяны, от почтальона Фёдора Сивухи до бабушки Ефросиньи Степановны вели трудную борьбу с оккупантами и победили. Яркие события встречи родных

освободителей

и горечь от многих потерь... Это война!

Много в повести реальных фактов и героических событий, которых забывать нельзя сквозь годы и времена.

Дорогой Друг! Читай повесть и не стыдись своей слезы!

Верона Шумилова,

член Союза писателей России,

член Международного Союза славянских журналистов

Глава 1

Она стояла возле крыльца, запрокинув голову и приставив к глазам ладонь козырьком, чтобы в глаза не било слепящее солнце, и тревожно вглядывалась в тревожное небо.

«Почему же так неожиданно началась война? Зачем она нам? – искала ответа жена командира Красной Армии Ильи Вильчука и мать сыновей-летчиков Александра и Клина, которые с первых же дней войны преграждали путь фашистским самолетам.

Сама она еще не видела фашистских самолетов, но людская молва о них растекалась по земле зловещей вестью, пугая каждого. Да и сама слышала вчера и позавчера и тремя днями раньше тяжелые взрывы,

от которых под ногами ходила земля. Где-то там, вздыбленная бомбами, она поднималась вверх черной стеной и, калеча все на своем пути, накрывала непомерной тяжестью огорода, цветы, поспевающие хлеба, разрушала дома и прятала под их обломками уже мертвых, а то и живых людей. Где-то там рушились школы, детские дома, больницы, тонули в реках мосты, гибли дети. За что? Какая их вина?

Пряча в черных глазах жуткий страх и снова ощущая толчки земли, она в который раз думала о том, что совсем недалеко, сдерживая натиск фашистов, в эти минуты умирают люди, много людей, ненавидевших, как и она, войну.

Тревожно и хлопотно на селе: мужчины ушли на фронт, а оставшиеся инвалиды, престарелые масловцы и подростки срочно отправляли людей, колхозный скот и архив в эвакуацию. И Марьяна все дни трудилась: насыпала в мешки зерно, грузила на машины ящики, узлы, чемоданы уезжающих. Часть из них уже в пути на восток. Тот же дед Захар, проживший в селе почти восемьдесят лет, оставил свою хатку под соломенной крышей и отправился в далекий путь с небольшим узелком и палкой-клюкой: не хотел перед смертью видеть «проклятую немчуру. "А она, Марьяна, не могла сдвинуться с места с двумя детьми и парализованной свекровью.

Илья, целуя на прощанье ее заплаканные глаза, обещал: «Не пустим, Марьянушка, фрицев. Грудью встанем, костями ляжем, жизни отдадим, но враг не пройдет.

Береги детей. Вернусь непременно».

– Марьянушка! – услышала вдруг знакомый голос сельского почтальона Сивухи. – Поди сюда, славная! Третий раз, таво-сяво, кличу, а ты не отзываешься. О ком думаешь? Нахохлилась-то как – не приступишь.

За калиткой стоял высокий, тонкий, всегда улыбчивый и приветливый Федор Сивуха в выгоревшей клетчатой рубашке и соломенной шляпе. Через плечо у него висела тяжелая дерматиновая сумка с газетами, журналами и письмами. Лобастый, с выпуклыми серыми глазами и широкими черными бровями, сросшимися на переносице, он всегда был желанным гостем в каждом дворе. Никогда не уходил от людей, чтобы не пожелать им всегда получать лишь хорошие вести. Никто в Масловке не знал, почему его не взяли на фронт, хотя он был еще молод. Да и руки и ноги целы и голова вроде нормальная. – Что, Федя, что? – не то обрадовалась, не то испугалась Марьяна, зная наперед, что он может принести в дом не только радостную весть, но и печальную. – Письмо от моих? Давай быстрее!

– Угадала, ласковая. – Сивуха поднял колесом густую бровь и улыбнулся: – Ох, и хороша ты, командирша! Какой же мудрец, таво-сяво, лепил тебя? Из какой невиданной и неслыханной глины? На такую красоту и война... Какая нелепость!

– Не тyani, Федор. – Марьяна коснулась рукой сумки почтальона. – Не терзай душу. Да и не время шутить.

– Вот тебе и на! – тут же спрятал улыбку Сивуха. – Хотел, как лучше. Вижу, что чернее тучи... – Он засуетился,

открыл сумку. – От Саньки тваво письмо и ишло от кого-то.

– Что же ты так долго? – нетерпеливо воскликнула Марьяна. – Давай письмо... – и, сверкнув красивыми глазами, выпрямилась, сдерживая вырывающуюся наружу материнскую радость, боясь не совладать с нею и разрыдаться, но лишь заблестела мокрыми темными глазами. – Не томи, Федор!

Сивуха, наконец, достал два треугольника, как два белых кораблика, и, внутренне радуясь за хорошего человека, подал их Марьяне:

– Доброго человека и пчелка никогда не жалит. Принимай хорошую весточку. Спешил, каб скорей, таво-сяво, доставить ее.

– Спасибо, – только и вымолвила взволнованная Марьяна и торопливо побежала по чисто выметенной дорожке в ярких цветах к крыльцу, выкрашенному в зеленый цвет.

– До скончания войны в дом твой добрые бы вести! – искренне пожелал вдогонку Марьяне Сивуха. Он следил за ней влюбленными глазами и думал, что красивее женщины в своей жизни и не видел: «Гарна, як рожева квиточка, а усмишка – що сонечко ясне. И де ж Илько знайшов таку царыцю, таку королевну?»

Поправив на плече потертую сумку, Сивуха облегченно вздохнул и зашагал мимо частого штaketника к Павлине Сидоркиной, у которой на фронте были две дочери: Соня и Тоня. Одна из них написала матери.

Марьяна села на верхнюю ступеньку крыльца, положила рядом с собой чужое письмо, даже не взглянув на него,

а письмо сына, с его мелкими, такими знакомыми и родными завитушками, прижала к губам и замерла, успокаиваясь: в эту минуту она знала, она точно знала, что ее Сашко жив; жив и летает на своем красноезвездном ястребке и бьет ненавистных фашистов.

Дрожащими руками развернула тонкий лист бумаги.

«Здравствуй, дорогая мама! Появилась свободная минутка. Спать хочется – ужас. Но еще больше хочется сообщить тебе, что я жив и здоров...»

«Жив и здоров...» – вторично перечитала Марьяна, неловко качнулась вперед, закрыла глаза и заплакала: слезы радости капали на листок, размазывая буквы в яркие темно-синие пятна.

«Трудно сейчас, мама, – читала она дальше, хлюпая носом и не вытирая слез, – но мы не трусим перед врагом. Сейчас охраняем переправу через... – следующие слова было густо замазаны тушью, но Марьяна и не пыталась их прочитать. – Верь, родная моя, – еле разбирала сквозь слезы следующие строки, – я буду бить фрицев столько, сколько надо и где только встречусь с ними. Успехи уже есть: подбил два фашистских стервятника. Представлен к награде.

Мамочка, очень скучаю по тебе...»

«Скучаю по тебе...» – снова перечитала Марьяна, перебирая пальцами письмо, точно хотела убедиться, что оно на самом деле есть: вот оно, в ее руках, а не в мыслях, и вновь расплакалась: слезы потекли солеными ручейками в рот, капали на тонкое голубое платье. Отплавав, смахнула ладонью с листка дрожавшие

капли слез и снова читала:

«Как бабушка Аня? А Вилька и Даша? Что слышно от отца и Клим? Крепись и жди нас. Мы обязательно вернемся.

Целую тебя. Александр.»

Сложив аккуратно письмо сына снова в белый кораблик, Марьяна положила его себе на колени, аккуратно прижав чуть вздрагивающими ладонями.

«Он жив, мой мальчик. И будет жить! Должен...» – и видела перед собой среднего сына, высокого и стройного, с черными цыганскими глазами и лишь пробивающимися на верхней губе усиками, которые так украшали его.

«Должны все жить... Все! – думала, медленно успокаиваясь. И уже порозовело ее тонкое лицо с маленьким прямым носом и яркими пухлыми губами, заблестели большие черно-бархатные глаза в пушистых темных ресницах. – Они должны жить! Как же иначе? Иначе... Но ведь война...»

«А другие не хотят жить? – кто-то изнутри оборвал ее мысли, и Марьяна съежилась, как от сильного удара, ибо поняла, что это святая правда: ее муж и сыновья не лучше других, которые уже погибли и еще погибнут. Не лучше... Такие же...»

Не могла, не смела дальше додумывать свои тревожные мысли Марьяна и, спрятав их поглубже в свои тайники, взяла в руки чужое письмо.

«Кто бы это? – подумала тревожно, посмотрела на обратный адрес и зашелестела дрогнувшими губами: –

Часть вроде бы Сашка... Бизунов Мэ. Вэ. – прочитала вслух прыгающие незнакомые строчки. – Бизуно-о-в...» Эта фамилия ей была не знакома.

«Кто это пишет мне? – раздумывала, всматриваясь в чужой почерк и чувствуя какое-то волнение во всем теле. Сдерживая его, медленно стала раскрывать белый плотный треугольник, который тут же угодил своим острым углом в ее болезненное сердце.

...Марьяна! Отними руки от этого письма! Не читай эту черную птицу, принесшую тебе черное горе. Не знал, не хотел Сивуха ранить тебя такой вестью. Если бы знал, не принес, а спрятал бы от тебя эту беду... Пусть ненадолго, но отвел бы ее, чтобы твой сын по-прежнему для тебя жил и летал. Хотя бы недельку... Несколько дней... Хоты бы еще один денек... Один...

Развернув лист, Марьяна всмотрелась в подпись под текстом: Бизунов. Снова эта фамилия. Она помедлила, затем перевела взгляд на начало письма.

...Не читай ни одного слова, Марьянушка! Погоди! Наберись сил, чтобы от такой вести не умереть...

Протерев ладонью глаза, Марьяна начала сбивчиво читать:

«Дорогая мама Вильчук! Извещаю Вас, что сегодня Ваш сын, а наш друг Вильчук Александр Ильич... Александр Ильич... – Сердце Марьяны тут же ойкнуло, прыгнуло вверх-вниз, срываясь со своего привычного ритма, перекрыло дыхание и застучало рывками, словно только что запущенный маховик. Он раскручивался, набирая силу, делал обороты и вдруг застучал резко

и часто, причиняя нестерпимую боль, разрывая ткань в самом горле. Захватив ртом глоток горячего воздуха, пересохшими губами дочитала: – Вильчук Александр Ильич... в воздушном бою погиб... погиб... " – и маховик изо всей силы ударил ей в грудь, в голову, рубил сердце, мозг, кромсал и терзал тело.

– А-а-а-а! – закричала она, разрывая на груди платье. – А-а-а-а!

Этот крик понесся со двора по пыльной улице, колотил в окна и двери соседних изб и, подбитый страшным известием, затихал на окраине села.

Бабка Фрося, стоявшая у своих покосившихся ворот, услышав истошный крик соседки, торопливо заковыляла во двор Вильчуков.

Марьяна лежала на спине с закрытыми глазами и была очень бледна. Охая и шаркая старческими ногами, бабка Фрося отыскала ведро, зачерпнула ковшиком воды, плеснула в лицо Марьяны. Ее темные ресницы вздрогнули.

– Марьянушка, голубко, що с тобою? – Бабка топталась возле соседки, не имея сил поднять ее и посадить снова на ступеньку. – Окнись, дочушка, окнись...

Марьяна открыла глаза, наполненные болью и страданием, – и снова тишину разорвал ее крик:

– Сашенька-а-а... – Она хватала ртом воздух и шарила вокруг себя руками. – Ба-бушка-а-а, нет Сашка... Сына нет... – и опять жуткий голос, похожий на вой смертельно раненой волчицы, понесся по пустынной улице Масловки.

– Що ж ты, милушка, так голосишь? Чай, не на похоронах, – крестясь и шамкая беззубым ртом, бормотала бабка Фрося. – Жив твой соколик. Жив... – говорила и сама не верила этому, так как слышала, как почтальон Сивуха звал Марьяну, и видела на крылечке белый лист бумаги, который, наверное, и принес в дом беду. – Не все возвратятся с хронта. Тижола война, но твой Сашко будет жить. А то как же? – Смахнув слезу, уже шептала что-то себе под нос, проклиная фашистов: – Ах, окаянные! Ах, звери! Нет на вас погибели... Нет на вас кары господней...

Тонкая рука Марьяны снова шарила на крыльце, пока не наткнулась на письмо. Подняла его к глазам – и в который раз разнеслось по всей округе:

– А-а-а-а-а!.. А-а-а-а-а!..

Бабка Фрося еще раз набрала ковшиком воды и вылила на Марьяну. Та вздрогнула, шевельнулась и, заваливаясь набок, сползла со ступенек крыльца в рыжую, выгоревшую от июльского солнцепека траву.

Охая и крестясь, бабка Фрося засеменила домой.

Через минуту-другую из ее покосившейся избы выскочил внук Женя, и его огненно-рыжая голова замелькала среди высоких подсолнухов в огороде, за которым несла свои мелкие воды речка Гнилопять и где Вилька ловил рыбу. Сама она снова заковыляла в Вильчуковский двор.

– Вилька-а-а! – еще издали закричал Женя. – Где ты? Откликнись!

– Я здесь, – отозвался звонкий голос из-за ближайших кустов. – Иди ко мне-е-е! Знаешь, сколько... – и осекся,

увидев запыхавшегося и растерянного друга.

– Что, Рыжик, случилось? – спросил испуганно. – На тебе лица нет.

– Мамке твоей плохо. Она таво... Женька бы л крайне растерян. – Бабушка сказала, що письмо прыйшло... – Веснучатое лицо Жени скривилось: он сам готов был заплакать.

Прыгая на одной ноге, Вилька натягивал мокрые штаны.

– Какое письмо? Чего выпучил глаза, как лягушка на кочке? Говори ясно! Прибежал ведь!

– Не знаю... Бабушка послала за тобой.

– Бежим... Быстрее...

Вилька одним махом перелетел через небольшую канаву, где добывали масловцы на зиму торф, и помчался домой. За ним бежал Женья, не желая отстать от друга, и видел его тонкую высокую фигуру в синей майке, сильные руки, загорелую спину. Он любил его, как родного брата.

Открыв калитку, Вилька увидел маму: она сидела на земле около крыльца и тихо плакала. Рядом с ней топталась бабка Фрося с мокрым полотенцем в руках.

В несколько прыжков Вилька преодолел двор и склонился над матерью.

– Мамочка... Что с тобой? – Он обнимал ее за шею, поднимал руки, но они падали, как плети. – Что случилось? Ответь же!

Марьяна не отвечала.

– Она, Вилечка, зовсим негожа, – разогнувшись, сказала бабка Фрося. – Надоть к Павлинке Сидоркиной. У нее имеєцца наштырь. Беги, онучек, беги хутчей.

Глотая слезы, Вилька перемахнул через новенький низкий штакетник и громко забарабанил в окно соседей: – Теть Павлина! Теть Павлина! – кричал он изо всех сил. – Мама умирает... Нашатырь ей... Только скорей! Через минуту Павлина Сидоркина, полная приземистая женщина лет сорока, в наспех повязанной косынке, была во дворе Вильчуков. Она склонилась над Марьяной и дала ей понюхать нашатыря.

Словно нехотя, Марьяна открыла глаза и увидела сына.

– Виль... Вилечка-а-а... Помоги мне... Встать надо...

Вилька взял мать под руки, поднатужился, пытаясь поднять ее. Павлина Сидоркина и Женя помогли ему, и Марьяну посадили на крыльцо.

– Нет Сашка, сыночек, – отрешенно произнесла Марьяна, будто говорила сама с собой. – Нету его... Погиб... Фашисты сбили... Сбили...

– Неправда это, мама! Неправда-а-а! – срываясь на крик, запричитал Вилька, хватая мамину руку. – Не верь никому! Жив наш Санька-а-а... Сбрехали тебе... Обдурили...

За лесом снова ухнуло, встряхнув землю. Через мгновение взрывы участились, перекрывая своим гулом истощный Вилькин голос.

Война все ближе накатывалась на Масловку.

Глава 2

Солнце палило немилосердно, высасывая из горячей почвы последние соки, а из Сивухи – последние капли пота. Он зашел во двор Прохора Бабица, чтобы отдать в его руки письмо внука, но старика дома не было. Подошел к колодцу, наклонил ведро, вдоволь напился холодной криничной воды.

«Стало быть, хозяин недалеко, если на такой жарюке водица не согрелась. Почекаю, уважу доброго человека, обрадую.»

Сивуха сел на деревянный сруб, вытянул уставшие ноги, стал ждать. Снизу тянуло прохладой, и он блаженно отдыхал. Все же на душе было тревожно: враг совсем недалеко. Он, Сивуха, остался в селе в самое тяжелое время, чтобы громить оккупантов в тылу. Ему доверили такое важное дело. А коль так, значит, он должен действовать уже сейчас. Время не ждет: от времени надо взять, что только можно. Кого приглашать на подмогу?

«А что, если Марьяну привлечь? – неожиданно пришла в голову мысль, и Сивуха даже опешил. – Хоть и не сельчанка, но надежная, порядочная. Больше двадцати лет знают ее масловцы: каждый год в отпуск к Вильчукам приезжала с Ильком и детишками. А в этот застряла... Не белоручка, хоть и горожанка: хлеб в поле помогала убирать, сено сушила, скирдовала. Любо-

дорого! Да и сейчас...» – Сивуха снова наклонился к ведру и пил, пил, проливая воду на рубашку и поношенные парусиновые туфли. Сел, вытер рукой подбородок, осмотрелся. – Добрый, таво-сяво, помочнык будет. Жинка не кого-нибудь, а командира Красной Армии, который германцев бьет. И сынки ее, Клым и Сашко, воюють. Лутшей помощницы и не найти. С Титовым потолковать надобно. Сегодня же пойду к нему. Дело не требует, таво-сяво, отлагательств.»

– Что же ты расселся, як у себя дома? – услышал вдруг звонкий голос своей Настеньки. – Невесты в этом дворе вроде бы и нет.

Федор оглянулся и засиял улыбкой:

– Моя сторонущка – это моя женущка. Иди, золотко, попей водички. Холодна, аж зубы ломыть.

– Твои-то ломыть? – брызнула смехом Настенька. – Они же железные. Их топор может осилить и то не с первого разу.

В белой кофточке и синей короткой юбке, она была похожа на пионерку. Пухлые розовые щечки с ямочками, озорные синие глаза, светлая челка, закрывающая вытянутые темные стрелы бровей.

– Ну, ла-а-дно, – примирительно тянет Федор. – Иди, ладушка, отдохни маленько. Я жду хозяина: письмо ему от внука.

Настенька спрятала улыбку:

– На том свете будем отдыхать. У колхозной конторы, бог зна, що творыться.

– Да-а-а, – протянул Федор, вытирая ладонью со лба

пот. – Неразбериха полная. Все спешат уехать. А кто и пешком отправился. Значит, дела, таво-сяво, как сажа бела.

– Неужели пустят немцев дальше? К нам? Киев ведь недалеко... – Настенька присела к мужу. – Нет, Федя, попрут фрицев туда, откуда они прыйшли.

– Часто, стервы, бомбят... – Сивуха нахмурился, посмотрел на жену: – Ступай, Настенька, додому. Там дитки сами. Ух, и жарщица!

– Очень устал? – Настенька приникла к мужу: рубашка на нем была мокрая от ворот до пояса. – Скоро домой? Тимошка и Андрейка из красной бумаге звездочки вырезали. «Татко наклеить ее на картуз, – сказал Тимка, – и будет немаков бить». И нам по одной красной звездочке вырезал. Для храбрости и для поддержки.

Федор посветлел лицом:

– Изба, таво-сяво, хороша пышками, а еще женой и детишками. Иди к ним. Вернусь, когда разнесу всю почту. – Он похлопал по сумке. – Тока аркестр выставляй, как во двор зайду, чтобы все знали, кто идет. – Во балаболка! – хохотнула Настенька, сверкнув синими, как васильки, глазами. – Такое тяжкое время, а ты зубы скалишь.

– И ты скалишь, – примирительно протянул Федор и, немного помедлив, добавил: – А що плакать мне? Шутка – минутка, а заряжает на весь день. Да и шутят больше те, у кого сердце ноет. – Федор порылся в сумке, достал письмо деду Прошке и положил его сверху на газеты. – У меня, жена, такая должность – веселым

быть, каждому прибаутку сказать, добрую, таво-сяво, весть в дом принести. Понимать надо!

– Понимаю, как же... – ответила Настенька и, одернув юбочку, направилась к калитке. – Не задерживайся. Ладно?

– Ла-а-дно. Как мне без тебя? – смотрит Сивуха на жену влюбленно и думает: «Все же моя Настенька лучше Марьяны: беленькая, пухленькая, как сдобная булочка. Не зря добывал ее в баталиях с рябовскими хлопцами. Ох, не зря...» И, когда Настенька скрылась за кустами шиповника, мысленно вернулся в те далекие молодые годы...

...Жила тогда Настенька в соседнем селе. Не бог весть, как далеко – около трех километров от Масловки. Много, как и везде, было в том селении парней и девчат, но не было среди красавиц равных Настюхе Юрчак. Смелая и красивая хохотунья многих сводила с ума. Лишь рассыплет свой заразительный смех – хлопцы за версту узнавали, чей он. Сохли по ней братья Петя и Саша Семенихины, вздыхал вечерами тихий и спокойный Юрка Балаш, ради нее и для нее перебирал меха своей гармошки черноокий балагур и весельчак Роман Петрухин. Но так случилось, что в Рябовку зачастил Федор Сивуха. Не влюбили его рябовские парни и всякий раз пытались настырного хлопца отвадить. Терпеливо выносил Федор все насмешки и угрозы ради Настеньки. И она искренне отвечала ему своей любовью: ждала его лунными вечерами под вербой, где они впервые встретились, считала на небе

звезды и замирала, увидев еще издали высокую фигуру любимого.

Дважды рябовские хлопцы предупреждали Федора, чтобы он поскорее уносил ноги и царствовал над своими, масловскими, красавицами, но не трусил влюбленный юноша, думая о своей Настеньке.

А в другой летний вечер, когда он, впервые поцелованный Настенькой, возвращался домой, не чуя под ногами земли, и думал лишь о завтрашней встрече с любимой, перед самой Масловкой увидел группу ребят. Их лица до самых глаз были завязаны черными платками. Без единого слова они схватили Федора, потащили к одинокому тополи, что рос возле самого мосточка, и начали его раздевать. Спротивляясь, Федор кричал, махая длинными руками, брыкался ногами, петушился, обзывая хулиганов самыми крутыми словами, а затем, увидев нижнюю часть своего тела обнаженным, вышел из себя:

— Ах вы сопляки! Бандиты! Сосунки овечьи! Кто вам позволил? Если не уберетесь, завтра же заявлю на вас, холеры, и разоблачу ваши, таво-сяво, козни. Вы рябовские недоумки. Я узнал вас. И вы будете наказаны. Но парни молча делали свое гнусное дело. Через минуту он уже был привязан к тополи. Возле него появилось ведро. К своему ужасу Федор увидел в нем толстую палку и догадался: в ведре деготь и его сейчас начнут мазать черной жижей — так в деревнях наказывали строптивых. Дергаясь и скрипя зубами, Федор бился в руках крепких рябовских хлопцев: они рисовали на его нижней части

тела черные клетки. Кто-то из напавших разорвал рубашку на Феде, сдернул с плеч – и палка с привязанной на конце тряпицей уже гуляла по впалой Фединой груди. Он рычал, стыдясь своей наготы и того, что над ним проделывали, изо всех сил рвался из позорного плена, но крепки были веревки, удерживающие его возле дерева.

– Подлецы! Вас много, а я один. Развяжите – и я покажу вам свою, таво-сяво, силу. Хулиганы! Отродье рябовское!

Парни вокруг хихикали.

Не видя выхода и надеясь на снисхождение, Федор стал просить их не совершать глупостей, не срамить его, но обидчики доделывали свою черную работу.

Федя взвыл от злости, рванулся туда-сюда и обмяк.

Прихватив с собой ведро и его одежду, хлопцы отступили.

Около часа стоял под ярко вылупленной луной Федор Сивуха, обдумывая свое плачевное положение. Что делать? Как освободиться? Кричать? Но кто его услышит на пустынной дороге в глупую ночь? Звать на помощь? Кого, если вокруг ни души?

Юноша был в отчаянии. Завтра воскресенье, и на рассвете начнут тянуться в город телеги с провизией. Он окликнет кого-нибудь и попросит освободить его. Но это будет лишь утром. А сейчас...

«Как же быть? Кто выручит? Когда?» – и ходили и скрипели под тонкой загоревшей кожей его желваки. Лишь перед самым рассветом он услышал голоса и скрип

телеги.

– Помогите-е-е..., – взмолился он, когда подвода поравнялась с тополем – Подо – идите. Не бойтесь! Я свой...

Пожилой мужик повернул голову на голос, поднял от удивления кустистые брови и покачал головой: – Эх, ма! Що за лихо?

– Отвяжите... – просил Федор, боясь, чтобы подвода не проехала мимо. – Тут меня заарканили... Пацаны рябовские...

Пожилой натянул вожжи и остановил лошадь. Спрыгнул на землю и осторожно, не выпуская из рук кнута, подошел к Федору.

– Трясця твоей матери! – улыбнулся он, вглядываясь в странную обнаженную и исписанную черной клеткой фигуру молодого парня. – За што ж тебя так осрамили? Не за это ли? – и ткнул кнутом в Федину мужскую плоть. – Ай-яй-яй! Срамишша какая! Натворил безобразию, нашкодил, как шелудивый кот... – и щекотно играл кнутом по выпирающим Фединым ребрам. – Теперь не скоро отмоешься. Запомнишь, хэ-хэ-хэ, эту икзикуцию на всю жисть.

– Развяжите веревку. Прошу вас! – молил Федя. – Ничего я не сделал плохого. Это они, коршуны, налетели. Видимо, перепутали меня с кем-то, не иначе.

Мужик медлил, разглядывая незадачливого длинного и сконфуженного паренька.

– Што, будешь теперь по девкам бегать? – и снова ткнул кнутом ниже Фединогo пупка. – Такого ни одна девка

не примет на ночь.

– Ну и пусть... Помогите освободиться...

Пожилой позвал молодого, и оба, развязывая веревки, глумились над парнем, как сами хотели: от них тянуло крепким самогоном.

– Чем еще помочь? – ехидно опросил молодой человек, улыбаясь в пышный черный ус. – Может, в милицию прямо? Или к теще на блины?

– Вы что? Ничего больше не надо. Спасибо.

Когда подвода отъехала на порядочное расстояние, Федя, не заметив, как рябовские парни унесли с собой его одежду, несколько раз обошел вокруг тополя в ее поисках. Спустился под мостик, осмотрел кусты и тут же покрылся холодным потом. Он понял: его шмотки забрали хулиганы.

– Что делать? – скрипнул зубами. – Как добраться домой? Уже светает, а топать надо в самый конец села с противоположной стороны. Ну и дела-а-а!

Напился из ручья воды, огляделся, сорвал под пышным кустом пучок травы и снова склонился к ручью. Мокнул травку в воду, поелозил ею туда-сюда – и тут же взвыл от боли: в траве оказалась жгучая крапива. Пританцовывая под мостиком от страшного зуда в самом неподходящем месте и выделявая немыслимые кренделя, отчаянно лаялся, а затем шлепнулся на мелкую воду, охлаждаясь от раздражающего крапивного ожога. Но надо было торопиться: на востоке уже розовела полоска чистого неба. Федор распрямился, по-собачьи отряхнулся от воды и стал обходить кусты: вдруг найдет

хоть какую-то тряпицу. Под самым забором крайней избы деда Терентия сорвал огромный лист лопуха. Согнувшись, подошел к ручью, помыл его в воде и прикрыл им свою стыдобу.

Проехала подвода, за ней по булыжнику торохтела вторая. Пропустив их, Федор выбрался из-под моста. Придерживая руками лопух, шел берегом вдоль речки Гнилопять, посматривая на хатки-белянки, уставившиеся окнами прямо на него, Федора Сивуху. Из одной избы вышел дед Кудря, отошел от порожка и пустил в травку струю. Федя тут же залег за кустиком. Отлив, дед сморкнулся, посмотрел на восток, где уже вовсю розовело небо, и зашел в избу. Федор поднялся, огляделся и, поправив лопух, поспешил дальше. Ему повезло: больше никто не встретил его до самого огорода тетки Марфы, напротив которой он жил. Незаметно проскользнул в подсолнухи, спрятался там и осмотрелся: на улице было уже светло, но до восхода солнца оставалось еще с десятков минут.

Высунув голову, Федя убедился, что двор тетки Марфы пуст. Осторожно отодвинул желтоголовые подсолнухи, шагнул на тропинку, ведущую во двор, и хотел было пуститься стремглав домой, как в одном из окон Марфушиной избы шевельнулась занавеска и показалась теткина голова. Федя сомкнул подсолнухи и присел. Поносил самыми непристойными словами рябовских подонков, дрожа от обиды и утренней прохлады, и серьезно обдумывал тот момент, когда явится в свой дом перед глаза матери.

«А если дверь будет заперта? – захолонуло в груди. – Что тогда? Куда ему деваться? Можно, конечно, постучаться в окно со стороны, таво-сяво, огорода...»

Горькие думы одолевали парня. Но выбираться через двор тетки Марфы все же надо: совсем скоро масловцы будут хлопотать по хозяйству. Как тогда прошмыгнуть мимо них? Засмеют и заклеят невиданным позором... Пробравшись подсолнухами к той стороне, где были видны окна, Федор заметил, что занавеска снова прикрывала стекла. Короткими перебежками добрался до калитки, присел за ней, осторожно выглянул на дорогу и остолбенел: со звонким лаем к нему мчалась соседская собачонка Жучка.

Ругнувшись, Федор прилег за калиткой и замер. Жучка, рыжая лопоухая дворняжка, прыгала с другой стороны калитки, скулила и просилась к нему.

– Пшла, Жучка! – шипел в отверстие калитки растерянный Федя, но она, став на задние лапки, передними скребла старые облезлые доски и радостно визжала.

– Пшла вон! – снова потребовал несчастный пленник. Он уже представил себе, как на лай собаки из избы выйдет тетка Марфа, увидит у калитки распростертого обнаженного соседа, поднимет гвалт... Все соберутся... Федор вспотел.

– Уходи, Жучка! Брысь, псина!

Жучка, виляя хвостом, не уходила. Федор понимал: отсюда надо смываться быстрее. Открыв калитку, не озираясь, побежал через дорогу. За ним с радостным

лаем неслась Жучка. На одном дыхании преодолел свой двор и ткнулся в дверь: она была не заперта.

Солнце, расплескивая свои первые лучи, уже показывало розовую верхушку, заступая на очередную трудовую вахту.

В сенцах, переводя дух, Федор остановился: ему надо было что-нибудь найти и прикрыть себя хотя бы спереди, чтобы не испугать мать. Пошарив глазами, не нашел ничего. На лавке стояло лишь старое ведро с водой и кружка.

«Хотя бы мешок был или телогрейка, – досадовал Федя. – Ни холстины, ни штанины, словно корова все языком слизала». И он взял ведро, выплеснул через порог воду, прикрылся им и зашел на кухню.

Мать, Анна Поликарповна, согнувшись пополам, раскладывала в печке огонь. На стук оглянулась.

– О божечко ж мий! – зашелестела помертвевшими губами и схватилась за голову. – О пресвятая Богородица!

– Не волнуйтесь, мама, – начал было оконфуженный Федя, не выпуская из рук ведра. – Это я... Счас... Оденусь и все объясню.

– Откуда ты такой, сынку? Кто тебя так испоганил? – и заголосила, заламывая руки.

– Все расскажу, все, как было. Я мигом...

– О господи милостивый! Що, сынку, случилось? За що тебя так замазюкалы?

– Это... это парни по ошибке. Приняли меня за другого. Сунув в руки ошеломленной матери ведро, Федя юркнул

в комнату, разыскал трусы, старые брюки, линияющую мятую рубашку, все кое-как напялил на себя и вышел на кухню.

Ничего от матери не утаил, обо всем рассказал. Анна Поликарповна горестно вздыхала, спрашивала, никто ли не приметил его в таком виде, а то все село, узнав об этом, сдохнет со смеху. А когда Федя поклялся и побожился, что и муха не пролетела мимо него, успокоилась и осмотрела незадачливого сына. Тут же налила в коробочку керосина и тряпкой, смоченной в этой остро пахнущей жидкости, вытирала впитавшиеся в тело черные масляные клетки.

А к середине сентября, когда он, несмотря на горький урок земляков Настеньки, продолжал топтать к ней дорожку, рябовские парни опять устроили ему засаду у Сивухино, как он стал называться после той памятной для Федора ночи, моста. Федор лишь сравнялся с тополем, как с него, словно с неба, посыпались ему на голову злоумышленники. Он снова отбивался от них, но они подмяли его под себя и били нещадно руками и ногами. Тогда же Федор выплюнул на ладонь с кровью пять выбитых зубов. Зато скоро была сыграна свадьба – и Настенька стала его женой...

Прервав воспоминания, Федор взглянул на раскаленное солнце, почесал пятерней потный затылок и снова подумал о Марьяне.

«А ить правда, надо иметь ее на прицеле, если немцы, не дай бог, войдут в Масловку. Такая не подведет, а поможет лучше иного мужика.»

В калитке показался дед Прохор. Сивуха поднялся и пошел ему навстречу.

Глава 3

Опираясь на дрожащие руки, Марьяна медленно подтягивала свое непослушное тело. Бабки Фроси и Павлины во дворе уже не было.

Всхлипывая и глотая слюну, обессиленный Вилька подsunул подмышки матери руки и помогал ей подниматься, но чувствовал ее беспомощность. Он искал слова утешения, однако, придавленный невероятно жестокой вестью, ничего не мог придумать. Кое-как помог ей сесть.

– Спасибо, сыночек. Побудь со мной.

Вилька уселся на крыльцо, уткнулся в острое плечо матери и безутешно заплакал. Никто ему не мешал сейчас изливать свое мальчишечье горе, и он плакал навзрыд.

Ближкие взрывы снова потрясли землю.

– Что же это такое, мама? – всхлипывал Вилька. – Фашисты ведь рядом. Скоро в Масловке будут. Надо что-то делать.

– Успокойся, сыночек, – обняла Марьяна сына за худенькие узкие плечи. – Будем надеяться, что их отобьют. Не могут же врагов пустить в Киев и дальше. Не могут...

Наша же страна огромная и сильная. – Она помолчала, взглянула на небо. – Может, Сашко и жив. А письмо –

ошибка... Не выяснили до конца... Суматоха...

– Да, мама, да! – Вилька оживился и теснее прижался к матери. – Может, он только ранен. Не мог он это... погибнуть.

– Дай-то бог! Сколько дней идет ненавистная нашим людям война. Было ее начало, будет и конец.

– Да, мама, – ухватился за эту мысль Вилька. – И Санька вернется. У каждого летчика есть парашют. Если и подобьют самолет, летчик выпрыгивает и спасается. И Санька так поступил, если... – И уже верил только своему доводу, а не Бизунову, и убеждал в этом мать. Вслух читал Сашкино письмо и окончательно остался при мнении: брательник жив!

А Марьяна в это же время боролась с удушьем. Отодвинулись куда-то взрывы, исчезло небо и чувство боли. Теплые провалы чередовались с короткими просветами, и она не успевала даже подумать о детях, и снова проваливалась в черноту. Казалось, уже ничто не сможет вернуть ее с того, другого, света, куда она проваливалась. Но вновь мелькало просветление, и она смутно слышала Вилькин голос: «... разобьют непременно... отец вернется и Клим...» – и опять отключалась.

Вилька читал и читал Сашкино письмо и верил только ему. Обнимал мать и ее убеждал в этом. Лицо Марьяны медленно оживало, глаза наполнялись смыслом. Она уже и сама выстраивала разные догадки и начинала верить им. А Вилька все больше и больше влиял на нее, доказывая, что немцев через несколько

дней прогонят, и ронял в душу родного человека зернышко надежды. Оно начинало прорастать тоненьким стебельком. Поверив сыну, Марьяна снова двигалась по избе, как тень, собирая на стол еду. Ее тело было легче обмолоченного снопа.

«Как же так, – думала она, разливая по тарелкам гречневый суп. – В самые первые дни войны через Масловку три дня и три ночи шли на запад колонны наших танков и машин. Вся Масловка содрогалась от этой мощи. Люди верили, что такая сила уничтожит любого агрессора. А что же получается? Сейчас враг недалеко от села, а наших защитников и не видно. Где они? Где танки и самолеты? Куда подевались?»

Долго и мучительно Марьяна искала ответа и не находила. А спросить было не у кого: многие уехали в глубинку страны, другие спешно собирались в дорогу, остальные притихли по своим избам.

Чего прятаться? Не будет здесь фашистов! Не будет! Где-то же есть наши войска, есть танки, орудия... Совсем недавно шли на запад, сотрясая окрест землю. Она бегала с Вилей и Дашенькой к шоссеиной дороге проводить воинов на фронт. Видела их озабоченные лица, украдкой смахивала слезы и искренне желала всем победы. Павлина Сидоркина ей кричала на ухо, что такая мощная сила всех врагов разобьет, и она, Марьяна, верила ей и верила своим защитникам. Враг не пройдет никогда: ни сегодня, ни завтра, ни в любой другой день. Теперь же тяжкие взрывы доносятся все чаще и ближе, повергая ее в панику.

«Что же это происходит? И почему? Кто ответит?..»

Глава 4

В село Масловка, что раскинулось на перекрестке шумных дорог, молодой Илья Вильчук привез Марьяну из далеких странствий, куда он ездил, как и многие его односельчане, на заработки.

Бедная была его семья: мать, Анна Тимофеевна, болезненная, молчаливая женщина, перебивающаяся кое-как на поденщине у богатых соседей Ярко, и строгий, ершистый отец Сергей Власович, приносивший домой не так уж много помощи. И он, как и его жена, гнул спину на богатеев с утра до ночи: ухаживал за скотиной, копал землю, косил травы в лугах, а на полях – хлеб, обмолачивал тугие снопы ржи, ячменя и пшеницы, а получал за свой каторжный труд из большой кучи обмолоченных ядреных зерен лишь миску. И тут же скрипели домашние самодельные жернова, перемалывали тугие зерна, выбрасывая по железному желобку струйку перетертой мягкой муки.

Многие тогда уезжали из Масловки на заработки. Подался в люди и молодой Илья. А когда через три года вернулся в село с юной женой Марьяной, Масловка ахнула, увидев такую красоту. Никто не знал, чьей она крови была: то ли молдованской, то ли цыганской, а, может, и украинской, чего Марьяна и сама не знала. Воспитывалась у чужих людей, не помня

ни отца, ни матери. Говорили на нее «подкидыш», называли «чужанкой», но она с годами притерпелась к этим словам и уже на проливала в подушку слез. И не обозлилась на свет, на людей, а росла ласковой, внимательной и на диво доброй. Девятилетней, когда приемные родители умерли, ее взяла к себе в дом детская писательница Наталья Михайловна нянькой для своих детей Янины и Яремки. Там и жила Марьяна, одетая и обутая, обласканная и накормленная, изучая вместе с ребятами все начальные науки и приобщаясь к культуре и музыке. Наталья Михайловна была добрым человеком и приняла в судьбе сиротки материнское участие. И росла Марьянка, как на дрожжах, прикипев сердцем к своей благодетельнице и ее детям. Она уже хорошо читала и писала, неплохо знала арифметику; когда же засыпали Янина и Яремка, знакомилась с детской художественной литературой. Ей разрешали подольше посидеть у ярко горящих свеч, если спали малыши. Все на ходу схватывала способная Маришка, как ее называла смешливая Янина, влюбившись в нее сразу же, как только увидела, и знала уже намного больше, чем дети, за которыми ухаживала.

Шли годы. Из тоненького черноглазого подростка Марьянка превратилась в красивую стройную девушку. На щеках играл яркий румянец, глаза большие, блестящего черного бархата. Они распахнуто смотрели из-под густых темных ресниц и всегда искрились радостью и нескрываемым счастьем.

Наталья Михайловна, любуясь ею, жаждала такого же ума

и необыкновенной внешности своей толстушке Янине, но Янина с пухлым розовым личиком и голубыми кукольными глазами не блистала ничем: ни добротой, ни умом, ни красотой.

– Марьянушка, – как-то обратилась к ней Наталья Михайловна, – не надоела ли тебе работа няньки и уборщицы? Дети-то наши подросли.

Марьяна потупила глаза:

– Я уже думала об этом, Наталья Михайловна, но не посмела начать этот разговор. Понимаю: нянька вам уже не нужна.

– Хотя я привязалась к тебе, как к дочери, и дети тебя любят, но пора думать о собственной дороге и получить какую-нибудь профессию. Годы-то идут, и ты взрослеешь.

– Знаю. Но мне будет очень трудно без вашей семьи. Привыкла... Люблю всех...

– И мы тебя любим. И нам будет тяжело с тобой расстаться, но ты уже девушка и... – Наталья Михайловна помолчала, собираясь с мыслями, и, наконец, сказала как можно мягче: – Я на фабрике уже говорила о твоём трудоустройстве.

– И что? – поспешно и с грустью спросила Марьяна. Она представила себе на минуту, что вскоре ей надо будет оставить это уютное гнездышко, расстаться с Натальей Михайловной, заменившей ей мать, с Яниной и серьезным не по годам Яремкой.

– Тебя, Марьянка, возьмут везде, – продолжала Наталья Михайловна. – Ты трудолюбивая, исполнительная,

добрая. А еще умница. Будешь вначале ученицей на ткацкой фабрике, а затем и подходящую работу получишь. Станешь жить сама, по другим правилам и законам. Будешь мужать, закаляться, почувствуешь ответственность за все, что в тебе и вокруг тебя. Да и учиться надо.

– Мне будет плохо без вас... – Стараясь не расплакаться, Марьяна отвернулась и промолвила еле слышно: – Вы для меня, как мама...

– А мы не расстанемся навсегда, Марьянушка. Ты будешь приезжать к нам, как в свой дом. И мы к тебе приедем. Наталья Михайловна подошла к расстроенной девушке и обняла ее. Затем усадила на диван, сама села рядом.

– Ты уже взрослая, Марьянка, – начала она доверительно, – и вскоре настанет час твоих увлечений, а то и первой любви. Это неизбежно: любовь приходит к молодым людям внезапно. Она, как река, не знающая берегов, – затопит, унесет, окружит. Ты всегда должна помнить об этом и беречь свою девичью честь и достоинство. На твоём пути с такой красивой внешностью много будет юношей, но не бросайся безрассудно в их объятия, не принимай все их слова за чистую монету, ибо тебе может встретиться и недостойный человек. Всегда имей женскую гордость и порядочность.

– Я это понимаю, – смущенно ответила Марьянка, справившись со своим волнением. – Хотя все, как в тумане...

– Мало понимать, моя девочка. Надо жить этими

принципами. А еще правдой: она голова всему. Правда стоит очень дорого, поэтому ею надо дорожить.

Терпеливо выждав, пока Наталья Михайловна выскажется до конца, Марьяна ответила:

– Я еще никого не обманывала в своей жизни. И очень боюсь лжи и нечестных людей. Меня обманули мои родители, бросили и до сих пор не интересуются, где я и что со мной. Будучи отвергнута самыми близкими людьми, я все же буду жить правдой, какой бы она ни была.

– Моя девочка, я рада за тебя. В природе против правды нет оружия. Могут зачеркнуть ее, затопить на время ложью, но все равно она отмоется и заблестит еще ярче. А у лжи ноги короткие – на ней далеко не уйдешь.

Марьяна слушала Наталью Михайловну и думала, что так учить может только мать, и она постарается пронести эти слова через всю свою жизнь, какой бы она ни была.

Наталья Михайловна тем временем продолжала:

– Тебе, Марьянка, досталась красивая фамилия Горноста́й. Не меняй ее никогда, даже если выйдешь замуж.

– А я замуж не выйду, – зарделась Марьяна, словно спелая вишня, и потупила глаза.

– Так все девушки говорят, – улыбнулась Наталья Михайловна с чувством глубокого внутреннего покоя: она нежно любила свою воспитанницу. – Говорят именно так, пока не встретят свою настоящую любовь. А потом все слова, прежде сказанные, забывают. И со мной так было.

– Я, наверное, никого не встречу... – Марьяна раздумывалась и светилась ожиданием того неизвестного ей разговора, какого она в жизни еще не слышала, не знала и очень боялась признаться себе, что это что-то, неведомое и очень притягательное, уже волнует ее юное сердце.

– Фамилию не меняй, – повторила Наталья Михайловна. – Кто знает, что заставило твою мать подбросить тебя малюткой чужим людям и скрыться. Может, когда-то она будет разыскивать тебя. И если ты, выйдя замуж, изменишь фамилию, она никогда тебя не найдет.

– Я бы хотела узнать, кто она, моя мама, и где она сейчас. Почему меня не хочет увидеть? Сколько лет прошло...

– Кто знает? Может, она была очень бедная и, чтобы спасти тебя от голода и смерти, подбросила к богатым людям. Так часто поступали матери, даже порядочные, во имя спасения своих детей. А, может, сама была больна. Не исключена возможность, что когда-нибудь она разыщет тебя по фамилии Горноста́й и упадет тебе в ноги, вымаливая прощение. Кто знает?

– Буду жить надеждой, – еще больше потемнели глаза Марьяны. – И отца бы узнать. Кто он? Почему до сих пор не разыскивает меня? – Марьяна рассуждала о своем наболевшем вслух, в который раз рассматривая на стене портрет интересного элегантного мужчины, о котором не знала ничего и никогда о нем не спрашивала у Натальи Михайловны.

– Может, и отец найдется, ведь он есть где-то. Когда-то

объяснишь своему будущему мужу, чтобы он знал все о твоей жизни.

– А у меня мужа не будет. Я не выйду замуж... – вновь краснея, ответила Марьяна, пряча глаза в пушистые ресницы.

– Это тебе так кажется. Встретишь юношу, достойного и смелого, влюбишься в него и пойдешь за ним, куда позовет, хоть на край света. – Наталья Михайловна улыбнулась и прижала юную чернокосую головку к груди. – Я вас не забуду... – Марьяна склонилась и поцеловала ухоженную руку своей благодетельницы.

Через две недели она уже трудилась на ткацкой фабрике ученицей. Жила в общежитии вместе с тремя девушками, полюбилась им, но очень тосковала по Наталье Михайловне и ее детям. На выходные дни приезжала в свой дом, как она его называла, отмывалась и обогревалась, а утром снова возвращалась в общежитие в сопровождении Янины и Яремки.

Там ее и встретил молодой белокурый Илья Вильчук. Вначале, увидев ее, даже думать о ней боялся: такая красивая, что солнце затмевает. Куда ему тянуться до такой гордой и недоступной?

Шли дни. Каждый вечер он приходил к общежитию, где жила Марьяна, стоял, волнуясь, в подворотне, чтобы увидеть ее и заговорить. Она же, гордая и таинственная, проходила мимо стройного голубоглазого юноши, пока однажды не поняла, что он все-таки задел ее пылкую нетронутую душу. В один из тихих лунных вечеров, когда он поздоровался с ней, ответила ему искренней

белозубой улыбкой.

И настали для Марьяны и Ильюши счастливые дни встреч и любви. Нежная, возвышенная, она всем сердцем потянулась к нему, чудному деревенскому парню, поверив его немногословным речам, застенчивой улыбке и больше всего – светлым открытым глазам. А когда молодая пара, будучи уже мужем и женой, появилась в Масловке, каждый хотел увидеть Вильчукову невестку: весть о ее красоте разнеслась по всему селу. Марьяну караулили у магазина, поджидали на улице, задерживались у колодца, чтобы дожидаться ее и убедиться, что она действительно несет на коромысле два полных ведра воды, не пролив на землю ни капли. Иные, кто посмелее, заглядывали во двор через забор и щели, заходили к старым Вильчукам по самым мелочным делам с одной целью: взглянуть на совершенство женской красоты.

– Ох, и краля! Ох, и царица! – увидев Марьяну, восклицали сельские парни, вызывая у своих подруг злобную ревность.

И девушки уже вовсю судачили, что им на горе и беду появилась в селе эта красивая и стройная лошадка, изводившая с ума многих деревенских мужиков, не женатых и женатых. Пряча поглубже черную женскую зависть, они плели на Марьяну всякое: что она настоящая цыганка, что умеет колдовать и привораживать мужчин, умеет напускать порчу на животных и знает с сатаной, что умеет ворожить на звездах и на кофейной гуще.

– Цыганка и есть цыганка! – говорили те, кто люто боялся

ее красоты. – Такая и года не продержится в Масловке, где надо работать от зари до зари. У нее же ручки белые, панские. Барыня-сударыня!

В это же время в бедном Вильчуковом дворе Марьяна трудилась с утра до ночи: белила стены старой избы и смазывала желтой глиной земляной пол, подводя его края пережаренной в печке красной глиной; стирала полотняное белье; умела шить, пользуясь лишь иглой и ниткой, умела вышивать по полотну и батисту, чему научила ее Наталья Михайловна. На старой кровати возвышались четыре мягкие подушки, вышитые ее руками. И радовалась Анна Тимофеевна своей хлопотливой невесткой, и любила ее, и лелеяла, как свою кровинку. И Сергей Власович был доволен всем: порядком в доме и во дворе и счастьем сына Ильи.

– Украсила наш двор Марьянушка, – говорил он, поднимая усталые глаза на жену. – Да и хозяйка на все руки: что помыть, что постирать. И приготовить тоже. Аткуль такая вот?

Анна Тимофеевна одобрительно кивнула головой:

– Невестка, лучше не сыщешь. Надясь и хилой забор чинила, гвозди выравнивала, дорожку песком посыпала и все с песней. Всюду поспевает наша хлопотунья.

– Илья не наглядится на нее, – растянул в улыбке сухие губы Сергей Власович. – Так бы и ходил следом и обнимал ее весь божий день.

– А то как же? Кто такую любить не будет? И ласковая, и добрал, и работающая. А уж красивая, как на картинке намалеванная. И ко мне стелется травкой шелковой,

и звенит весь день ручейком серебристым. Даже сил у меня поприбавилось. Павлинка токмо и любитесь ею, все в окне стоит, когда Марьянка трудится во дворе. Хушь бы не сглазила, очкастая.

– Да-а-а... – довольно тянет Сергей Власович и скребет волосатую грудь, выражая полное согласие с женой. – Повезло нам, мать, с невесткой.

– Уж как повезло и не сказать. Другие мужики целый день глаза пялят и вешаются, нечестивцы, на заборы. Дай другую, токмо не свою. Своя надоела и не так пахнет. Тьфу!

– Что мелешь, старая? – зло проронил Сергей Власович. – На свою же невестку пятно кладешь. Дурья твоя башка! – и слетела с его губ скупая улыбка, словно он и не улыбался минуту назад. – Не потакай сплетням, а то они оборотятся в правду.

Вильчук застегнул на все пуговицы чистую, отбеленную и вышитую невесткой рубашку и вышел в сени. И там был порядок, какого он раньше не видел: на деревянной, выскобленной до желтого цвета полочке стояли начищенные до блеска миски, старые ведра, чистые плетеные корзины, в которых носили с огорода грязные овощи.

«И эту рухлядь чистила, – вновь тепло подумал о невестке старый Вильчук. – И сюда дошли ее руки...»

И жила Марьяна в тесноте, да не в обиде. Хлопотала по дому, трудилась на малом клочке собственной земли: научилась копать и сажать, полоть и окучивать.

Многие масловцы по-доброму завидовали Вильчукам:

привалило в дом такое счастье. Хотя и Илья был не лыком шит: видный, высокий и стройный, с русым непокорным чубом и чистыми голубыми глазами. В плечах – крутая сажень, сила на троих! Сохли сельские девчата по нем, втайне ворожили у старой-престарой бабки Тодоски, отдавая ей то деньги, то мед, а то и ожерелье. Знахарка всегда была увешана яркими побрякушками и искренне хотела помочь страдалицам, но Илья был влюблен лишь в свою юную жену и вокруг никого не замечал.

И Марьяна любила Илью пылко и страстно, как любят первый и последний раз: всей душой и всей жизнью, всем разумом и телом; так любила, словно никого и ничего другого не было на всем белом свете. В его сильных мужских руках теряла силы, волю и способность думать о чем-то еще, кроме него, его крепкого влекущего тела, чувствовала до сладкого потрясения свое женское счастье. Илья распускал ее пышные длинные волосы, обвивал ими ее стройное и гибкое, как лоза, тело и столбенел перед такой красотой. Замирая, снимал с нее тонкую сорочку, вышитую на рукавах и подоле, брал ее на руки и осторожно клал на белые взбитые подушки; клал, как самое хрупкое и нежное создание, вылепленное природой лишь для того, чтобы любоваться всем: и матовой кожей тела, и девичьей грудью с темными упругими сосками, и тонкой талией с округлыми бедрами, и красивыми длинными ногами. Золотистый лик луны, смущаясь, струил яркий свет на кровать и проникал в таинство двух влюбленных людей. Илья,

слабея всем телом, ставал на колени и жадно целовал ее губы, шею, руки, вздрагивающие от каждого его прикосновения, от жаркой ласки и прятал счастливые глаза на ее груди. Теряя силу от ласк жены, не вмещал в своем сердце столько счастья, сколько ему дарила эта пылкая, эта горячая и застенчивая натура.

– Моя пташка ранняя... – шептал в ее волосы, пахнущие мятой, и топил в них горячие ладони. Голова шла кругом; уходили прочь все дела и люди, лишь она одна владела его нетерпеливым молодым телом. – Моя любовь... Моя царица...

Марьяна приоткрывала красивые глаза, затянутые поволокой, шептала его имя и, обвивая его напряженное тело руками, тянулась к нему вся, до самой глубины, до самого дна. Илья дотрагивался губами к ее зовущим губам – и весь мир для них больше не существовал.

– Мой родной и любимый... – светилась Марьяна от полноты женского счастья. – Мой единственный... – и замирала, чувствуя сильные удары своего и не своего сердца.

И пролетала ночь, как один час, и уже надо было с пением петухов подниматься и впрягаться в нелегкую работу. Марьяна открывала глаза, слушала горластого Петьку и будила мужа. Он сладко тянулся, обнимал Марьяну и снова с жаром шептал слова не досказанной ночью любви и снова целовал ее упругое тело. Затем, шелестя одеждами, они тихо одевались: он и она, еще больше любя друг друга.

Через год родила Марьяна сына Клим. Ей не было

и семнадцать лет. А еще через год появился Александр. Оба черноглазые, смуглые, похожие на мать. И лишь третий сын, Вилен, родившийся уже в обновленной деревне в бурные дни коллективизации, был белокурым и голубоглазым, как Илья. Потом родилась Даша.

Три сына – три радости в семье Вильчуков. У счастливой Марьяны округлились бедра, налились молоком груди, ярче выступил на щеках румянец. Она по-прежнему обвораживала своей красотой масловских мужчин.

«Не хочешь оглянуться на нее – все равно, таво-сяво, стрельнешь глазами, – говорил своему соседу Федор Сивуха. – Притягательная женщина, будь ты неладный!»

Глава 5

Вилька не спал. В окно заглядывал щербатый месяц, уронив на пол светло-лимонные квадраты окна. Вилька разглядывал этот рисунок и думал о матери: она лежала на кровати с противоположной от него стороны.

Душная ночь цедила в распахнутое окно еле ощутимую прохладу. Вилька то и дело поглядывал на маму. Он знал, что она не спит, но не хотел ее тревожить.

В который раз задрезбуждали оконные стекла и тут же задрожала изба.

Марьяна подняла голову.

– Мама, – зашептал Вилька, – не бойся. Это гром. К утру гроза будет.

– Нет, сыночек, это злодеи. Это их работа. Бомбят, окаянные... – Она поправила подушку, вздохнула и снова легла. – Ты спи, Вилен, спи.

– Я, мама, спать не хочу. Да и не уснуть теперь. Где-то там, – он показал рукой на распахнутые окна, – война, гибнут люди. Сейчас, сию минуту... – Он замолчал, затаился, вслушиваясь в тяжелый грохот, доносившийся с запада. – Вот в этот момент кто-то кричит, кто-то стонет, а многие уже мертвые. Какой ужас, мама!

– Сыночек, не надо об этом. Ночь ведь. А злодеев отобьют, прогонят.

– Обязательно, мама. Танков и самолетов у нас

много... – и запнулся: он забыл, что не должен был напоминать матери о самолетах, чтобы лишний раз не травмировать ее.

– Разобьют эту нечисть не сегодня так завтра. Красная Армия сильная... Она докажет это... – Марьяна подавляла в себе поднимавшуюся тревогу. – По-другому не может быть.

– И я, мамочка, верю в это, – шелестел в ночи голос Вильки. – Прогонят фрицев непременно. Даже отец об этом говорил, когда прощался со мною. И Клим с Санькой их лупить будут.

– И-и-и-их!.. – всхлипнула Марьяна и тут же затихла. Вилька вскочил с кровати, подбежал к матери и обнял ее: – Не плачь, мама, может, и неправда о Саньке. Он жив или ранен... Дождемся от него письма. Некогда ему писать.

Марьяна отняла от лица натруженные руки, наклонила голову сына к груди и поцеловала его горячий лоб.

Над верхушками молодых яблонек, посаженных вместо старых после постройки новой просторной избы, по темному небу расплывалось зловещее зарево.

Марьяна поднялась с кровати, подошла к окну.

– Иди, сыночек, сюда. Смотри на это зарево и запомни: это горит наша Родина... Кусочек нашей земли... Такое прощать нельзя! Запомни эти слова.

– А где же наши, мама? Фашисты совсем рядом.

– Еще далеко, сынок... – Марьяна взяла две табуретки, придвинула к окну, присела на одну из них. – Вилечка, садись со мной. Не уснуть ведь нам.

Вилька сел рядом с матерью.

– Силен враг, Вилечка. Гитлер захватил много стран и подчинил себе. На свете нет более великого зла, чем война. С ней надо бороться всем миром.

– И откуда ты все знаешь? Что ни спроси, на все у тебя есть ответ.

Вилька прижался к матери и так ему стало тепло и спокойно, будто на свете не было ни войны, ни беды.

– От папы, конечно. Он же командир Красной Армии и рассказывал о Гитлере и его планах еще до войны.

– Ты так говоришь «еще до войны», словно это было давным-давно. – Вилька поднял голову и посмотрел на мать: – И ты, мама, всегда была на высоте: то в школьном родительском комитете, то в женсовете. Люди вокруг тебя, люди, а в доме – книги, журналы, газеты и ты читаешь, читаешь...

Запели первые петухи, а Марьяна и Вилен, склонившись друг к другу, еще долго беседовали, пытаясь докопаться до многих истин. Так и притихли, склонившись на подоконник. Первым уснул Вилька, положив голову на мамину теплую руку. Марьяна не посмела ее убрать, чтобы не потревожить сына, Какое-то время сидела над ним в дреме, а затем и сама склонила голову рядом и забылась коротким тревожным сном.

А утром, когда солнце только-только взбиралось на небо, обещая снова жару, в Масловку вошли немцы. Шумно трещали по улицам села мотоциклы, но еще шумнее галдели во дворах их хозяева.

Раскатистый гул моторов будил всех: через село шли

на восток тяжелые немецкие танки с черными крестами на броне. Дрожали в окнах стекла, а на старых стенах изб трескались и отваливались куски глины.

Гитлеровцы шли на восток несколько дней и ночей, оставив в Масловке небольшой гарнизон. Во дворах кудахтали куры, а в сараях визжали свиньи: новые хозяева наводили в селе свои порядки.

В подворье нового дома Вильчуков появился мотоцикл с двумя немцами. Они зашли в избу и стали располагаться в большой комнате, как у себя дома. Тут же подошла грузовая машина, и солдаты вносили в избу чемоданы и коробки.

Через некоторое время дверь комнаты распахнулась, и толстый рыжий офицер обратился к Марьяне:

– Матка, давай кушат... Яйка ест? Курка? Давай. Шнель! Вилька все понял, поднял синие глаза и показал рукой в открытую дверь во двор:

– Там куры и яйца... Там...

Марьяна замерла, но рыжий немец, ничего не поняв, снова потребовал:

– Дай кушат... Шнель, шнель! Яйки... Млеко...

Дрожа всем телом и жутко боясь непредвиденных действий сына, Марьяна откинула под печкой занавеску, достала полный горшок яиц и поставила на стол.

– О, я-я! – радостно потирал руки упитанный гитлеровец, усаживаясь на табуретку. – Гут, матка, гут!

А во дворе дико визжала свинья: ее фашисты готовили себе на ужин.

– Я – Кюнге, – ткнув толстым в рыжих волосах пальцем

в свою мощную грудь, сказал немец, открыв в улыбке сверкающие золотом крупные зубы.

Глава 6

Пустующий дом бывшего председателя колхоза «Светлый шлях» Павла Ивановича Колоска занял невесть откуда появившийся староста Михайло Михайлович Завальнюк. До войны он жил в соседнем селе безбедно и его с другими зажиточными хозяевами в дни коллективизации выслали на Соловки. За долгие годы тяжелого труда Завальнюк своими руками и трудом многочисленной семьи сколотил кое-какое богатство и не хотел добровольно отдавать его в только что организованный колхоз, за что и был наказан.

Появился он в Масловке всего через несколько дней после того, как вошли в село немцы. Угрюмый и подавленный, обросший густой черной щетиной, к людям относился не враждебно, словно забыл свое прошлое.

Семья Павла Колоска была эвакуирована из колхоза чуть ли не первой, а сам председатель уехал из родного села последним, вскочив на ходу в отъезжающую от конторы грузовую машину. Надо было до конца руководить эвакуацией колхозного добра, растерянными людьми, управиться с отправкой многочисленного стада коров и телят.

«Как-то там в пути, на тяжелых дорогах, забитых отступающими войсками и людьми, бросившими свои

насиженные гнезда и пустившимися добровольно в неведомый и опасный путь? – думал Колосок, оставляя все дальше и дальше свою родную Масловку – малую родину, где родился, учился и вырос. – Что же будет с людьми?»

А она, его родина, уже находилась в тылу врага: притихли когда-то многолюдные улицы, попрятались по погребам и сараям испуганные люди. Гитлеровцы же, уверенные в себе, здоровые, упитанные, нещадно грабили масловские избы. Из новой школы выбрасывали столы, парты, доски; классные журналы, книги и тетради летели в пыль через окно. Новенький глобус с проломанным боком лежал на высохшей цветочной клумбе.

В доме Вильчуков хозяйничали немцы. Молодой рыжий офицер приказал очистить светлую комнату от всех вещей. Солдаты вытащили на улицу мебель и деревянный сундук с домашним бельем, а занесли две новые кровати, стул, стулья. Такие Марьяна видела в сельской больнице. Это ее, больницу, разграбили, думала она, поглядывая на открытую дверь. Не страшась, собрала все книги, завернула в скатерть и отнесла в комнату. Лишь Сашкину гитару немцы не тронули: она висела на стене за дверью без единой струны.

Второй немецкий офицер, Карл, был пожилой. Небольшого роста, с жидкими волосами, тонкими губами и острым носом, он выглядел больным. Марьяна заметила, что им командует вредный рыжий детина с отвислыми губами.

Изредка, когда не было рядом Кюнге, Карл заглядывал

к больной Вильчихе и давал ей то шоколадку, то печенье, то хлеб с маслом. Марьяне казалось, что он – никакой не враг, а простой честный немец. Карл и Вильку с Дашей угощал конфетами, печеньем и, хлопая их то по плечу, то по головке, горестно качал головой и объяснял, что у него дома трое детей: два сына и маленькая дочь.

Однажды Марьяна увидела, что во дворе соседа Демида Коршуна коптились две свиньи, а сам Демид был одет в черную полицейскую форму с белой повязкой на рукаве. Она не поверила глазам своим. И лишь тогда, когда Демид прошел мимо и поздоровался сквозь зубы, все поняла и обмерла: предатель! Как есть предатель!

– Мама, а Коршун уже полицай, – с брезгливостью сообщил вечером Вилька.

– Сам видел. Какой гад!

– Может, сынок, его силой заставили надеть эту форму под угрозой расстрела. Нет же мужиков на селе. Остались одни калеки.

– А еще враги! – выпалил Вилька. – Какой Коршун калека? Почему он не на фронте, как все другие? Предатель!

Ощупью, так как в избе свет не зажигали, Марьяна прошла в комнату и сразу же услышала за плотно прикрытой дверью резкий недружелюбный разговор гитлеровцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.